

Сяо Цинму внезапно сменил свою натянутую и агрессивную манеру на более спокойную, отошёл на несколько шагов и сказал:

— Когда через несколько дней завершится церемония восшествия на престол, ты сможешь встретиться с Его Величеством. Всё, что ты хочешь сказать, можешь сообщить напрямую ему — не нужно терпеть мои упрёки. Можешь идти.

Лу Цяньтан был немного ошеломлён, на мгновение замер, прежде чем поклонился и удалился.

Цинь Хуаньлин, заметив, что он вернулся с мрачным выражением лица, не осмелился задавать лишних вопросов и лишь спросил:

— Начальник, мы что, сегодня останемся здесь на ночь?

Лу Цяньтан ответил:

— Собери отряд. В ближайшие дни мы останемся в Западном столичном лагере. Когда здесь уляжется суматоха, мы вернёмся обратно.

Цинь Хуаньлин с изумлением открыл рот:

— Не может быть! Я думал, что мы пробудем здесь хотя бы несколько месяцев. Получается, мы просто проделали путь в тысячу ли, мчались сюда, чтобы защитить Его Величество, и не получили ни капли благодарности. Это как будто мы подставляем свои тёплые щёки под их холодные задницы!

Цинь Хуаньлин, разгорячившись, встал и начал жестикулировать в сторону улицы:

— Начальник, ты видишь? Столичная гвардия нас опасается, повсюду установлены арбалеты. Они что, считают нас врагами?

Лу Цяньтан взглянул на него:

— Заткнись. Что бы они ни думали о нас, мы сделали то, что должны были сделать. Сколько бы они ни подозревали, они не посмеют нажать на спусковой механизм арбалета. Как только всё закончится, мы вернёмся на границу и больше никому не будем мешать.

Цинь Хуаньлин почувствовал в его словах что-то необычное и осторожно спросил:

— Начальник, мне кажется, в твоих словах есть скрытый смысл.

Лу Цяньтан, не поднимая головы, продолжал чистить свой меч:

— Отдохни ещё полчаса, а потом мы покинем дворец. Если будешь продолжать задавать вопросы, я сделаю так, что ты отсюда не уйдёшь.

Цинь Хуаньлин резко встал, не желая нарываться на неприятности:

— Я сейчас соберу отряд. А ты продолжай чистить меч.

Сяо Цинму вернулся в свою резиденцию глубокой ночью. Цинчжи встретила его и помогла снять верхнюю одежду:

— Ваше Высочество, вы столько дней провели во дворце, не возвращаясь домой, что все вокруг

чуть не умерли от страха. Хотя бы сообщили, что с вами всё в порядке. Во дворце такая суматоха, что все только и делают, что переживают.

Сяо Цинму ответил:

— Чего бояться? Ты только и делаешь, что беспокоишься.

Цинчжи сказала:

— Конечно, лучше всего, что с вами всё в порядке. Я также слышала кое-что ещё. Лянгунь прислал войска для защиты. Все говорят, что князь Лян, отправляя людей обратно в такой момент, явно замышляет что-то недоброе, но, похоже, они действительно дислоцировались в Западном столичном лагере. Как вы думаете?

Сяо Цинму, заметив её многозначительный взгляд, сказал:

— Ты уже спрашивала Яньчжу, специально дожидаясь, чтобы подразнить меня?

Цинчжи тихо засмеялась:

— Я действительно слышала, как другие обсуждают это, и хотела узнать ваше мнение. Ведь церемония восшествия на престол ещё не завершена — больше года прошло с тех пор, как тот мальчик уехал. После всех сражений, в которые он вступил, он вернулся уже не ребёнком. Ваше Высочество, не позволяйте себе потерять голову.

Сяо Цинму фыркнул:

— Хватит болтать ерунду. И ещё, когда слушаешь слухи, слушай их полностью. Это не Сяо Хуаймин отправил войска обратно, это был приказ Жао Сысина.

Цинчжи удивлённо спросила:

— Что это за приказ? Разве заместитель командира Лу не подчиняется князю Ляну? Почему он выполнил приказ Жао Сысина?

Сяо Цинму, прищурившись, улыбнулся:

— Если тебе так интересно, спроси его сама.

Цинчжи фыркнула:

— Ваше Высочество, вы сами не спрашивали, верно? Скорее всего, у вас была ссора. Эта лёгкая кавалерия спокойно дислоцировалась в Западном столичном лагере. Ваше Высочество, если будете слишком осторожны, рискуете обидеть их.

Цинчжи сняла его корону и, положив её в сторону, начала расчёсывать его волосы. Сяо Цинму поднял руку, чтобы коснуться своих волос:

— Это не я осторожничаю, это Его Величество чувствует себя неуверенно. Если бы сегодня пришёл Сяо Хуаймин, всё бы закончилось куда хуже — я действительно не ожидал, что это будет он.

Цинчжи прикрыла рот рукой и засмеялась:

— Если Ваше Высочество хотите узнать что-то, лучше спросите сами. Это лучше, чем слушать слухи и добавлять путаницы.

Сяо Цинму взглянул на неё:

— Сегодня ты сказала много противоречивых вещей. Ты хочешь, чтобы я ему доверял или остерегался его? У тебя есть чёткое мнение?

Цинчжи положила гребень:

— Я ничего не сказала. Просто смотрю, как Ваше Высочество думаете.

Сяо Цинму сказал:

— Ты больше не должна прислуживать. Позови кого-нибудь, кто меньше говорит.

Цинчжи ответила:

— Хорошо, если Ваше Высочество не хотите слушать, я больше не буду говорить. Но войска для защиты, вероятно, не задержатся надолго. Их солдаты сражались на поле боя с реальным оружием, зачем им терпеть холодные взгляды в Ингао? Даже если заместитель командира Лу не боится унижений, он не захочет, чтобы его люди страдали. То, как думает Его Величество, — это одно, а то, как вы поступаете, — другое. Ваше Высочество, вы обычно такой пронизательный, а сегодня как будто потеряли голову.

Сяо Цинму потер виски:

— Надо бы поскорее выдать тебя замуж.

Цинчжи только рассмеялась:

— Уже апрель, цветы хайтана расцвели прекрасно, и тратить их на ссоры было бы жалко.

Сяо Цинму поднял на неё взгляд:

— Кто ссорится? Ты говоришь всё больше бессмыслицы.

Цинчжи притворно испугалась, прикрыв рот рукой:

— Простите, Ваше Высочество, я ошиблась. В последние дни это не вы злились на меч.

Сяо Цинму: ...

Как можно так говорить о своём господине? Если их не контролировать, они начнут ходить по головам.

Ночной ливень прекратился, и Лу Цяньтан, устроив лёгкую кавалерию, тихо вернулся в «Цяньлицзуй».

Не привлекая внимания, он осторожно перелез через стену своей усадьбы и сел на влажную крышу из чёрной черепицы, глядя на дерево хайтана.

Цветы хайтана цвели прекрасно, но после ливня выглядели вяло, хотя всё ещё ярко краснели. Лу Цяньтан мог дотянуться до ветки, сорвал один цветок и вертел его в пальцах некоторое

время, собираясь заменить им уже сплюснутый засохший цветок в конверте.

При тусклом свете ночного фонаря он долго смотрел на цветок, думая, что это уже не те цветы, что были в прошлом году. Увядание и цветение — это естественно, и слишком глупо цепляться за то, что уже упало в землю.

Он никогда не принадлежал Ингао, и Ингао никогда не принадлежало ему. Учитель был прав: он был всего лишь ветром без корней, и куда бы он ни шёл, это была воля небес. Встречи и расставания были как дождь и ветер — они всегда приходили и уходили, и не важно, была ли это встреча или воссоединение.

Лу Цяньтан размышлял и пришёл к выводу, что Ингао действительно было местом, к которому он не должен был приближаться. Золотой город казался ему куда менее надёжным, чем песчаные бури северо-запада. Казалось, что на северо-западе всё было не так уж плохо, и он выглядел куда более приветливым, чем нынешний Ингао.

Путь от границы Лянгунь до Ингао занял тысячу ли, и они шли день и ночь, но в конечном итоге всё свелось к одному приказу. Лу Цяньтан изнутри чувствовал, что это было смешно, и впервые понял, что этот путь был действительно утомительным.

Когда суматоха во дворце немного улеглась, и церемония восшествия на престол завершилась, прошло уже полмесяца. Поскольку это было начало правления нового императора, мятежники были судимы мягко. Сяо Юаньшэн был лишён титула и помещён под домашний арест в резиденции князя Юя. Остальные были сосланы или заключены в тюрьму, и Ингао, казалось, ненадолго вернулось к нормальной жизни.

Лу Цяньтан нанёс визит новому императору, и его не только не подвергли наказанию, но и наградили. Лу Цяньтан вернулся в «Цяньлицзуй» и провёл там несколько дней, заметив, что Чжаньчжань, казалось, подросла, и по-прежнему бросалась к нему с криками. Чжао Цзин несколько раз напоминал ей изменить обращение, но она не запоминала, и он решил оставить всё как есть.

Уже приближался май, и цветы хайтана в саду уже не цвели так пышно. Лу Цяньтан большую часть времени проводил в лагере, иногда, в дни отдыха, выходил выпить с Чжао Цзином. Пробыв здесь почти месяц, он почувствовал, что это действительно скучно, и решил завтра утром попросить разрешения вернуться в Лянгунь.

В этот вечер Лу Цяньтан только что закончил патрулирование лагеря, солнце уже скрылось за западными горами, и небо стало мрачным. Один из солдат подошёл и сообщил:

— Генерал, четвёртый принц хочет вас видеть. Он ждёт впереди уже некоторое время.

Лу Цяньтан был немного озадачен, но прежде чем он успел что-то сказать, Цинь Хуаньлин подошёл и пробормотал:

— Что это значит? Они снова хотят наложить на нас проклятие? Зачем они вообще сюда пришли?

Лу Цяньтан махнул рукой, чувствуя нежелание. Ему тоже не хотелось видеть этого принца, и он просто сказал:

— Не знаю. Я пойду посмотреть.

Лу Цяньтан вошёл и увидел его, спокойно пьющего чай. Он остановился на некотором расстоянии, поклонился и сказал:

— Не знаю, что ещё Ваше Высочество хочет сказать. Мы снимем лагерь через несколько дней, Ваше Высочество можете не беспокоиться, мы не задержимся в Ингао надолго.

Сяо Цинму, заметив его отстранённую манеру, подошёл ближе и тихо сказал:

— Это не по делу, это личное. Есть кое-что, что я хочу обсудить.

Лу Цяньтан насмешливо улыбнулся:

— Ваше Высочество, вы преувеличиваете. Я не могу ответить на ваши вопросы, я только умею воевать. Вы, вероятно, обратились не к тому человеку.

Хорошо говорить — это ясная погода — для ученика Сяо Цижуня.

<http://bllate.org/book/16145/1445969>